

Мишель Уэльбек

Лансароте

Почему все сходят с ума от Уэльбека?
Потому, что Уэльбек пишет о том, о чем другие
боятся говорить даже шепотом.

THE BEST OF **ИНОСТРАНКА**

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕГЕНД

THE BEST OF **ИНОСТРАНКА**

Michel HOUELLEBECQ

Lanzarote

Мишель Уэльбек

Лансароте

Роман

Перевод с французского

Нины Кулиш

Издательство "Иностранка"

Москва, 2004

УДК 821.133.1-311.1Уэльбек
ББК 84(4Фра)-44
У98

*Художественное оформление
и макет А.Бондаренко*

Уэльбек М.

У98 Лансароте: Повесть / Пер. с франц. Н.Кулиш. –
М.: Иностранка, 2004. – 104 с.

ISBN 5-94145-254-3

Мишель Уэльбек (род. 1958) – поэт, эссеист, прозаик, самый полемичный и самый продаваемый во Франции и в Европе автор. На родине его называют культовым писателем и “Карлом Марксом секса”. Каждая его книга – бестселлер. Лансароте – остров в сердце мира... Туда не стоит ехать ни любителям культурного отдыха, ни поклонникам зеленого туризма. Там лунный пейзаж, называемый турагентствами “марсианским”, и соблазняющие друг друга любопытные образчики человеческой породы.

УДК 821.133-311.1Уэльбек
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 5-94145-254-3

© Flammarion, 2000
© Н. Кулиш, перевод на русский язык, 2002
© “Иностранка”, состав, оформление, 2004
© “Иностранка”, издание на русском языке, 2004

Мир – среднего размера

[8]

нуться домой и повалиться на диване, перелистывая каталоги клубных отелей; но она завела со мной разговор, и отвертеться было уже нельзя.

— Мне бы хотелось куда-нибудь поехать в январе... — произнес я с неотразимой, как мне казалось, улыбкой.

— Хотите погреться на солнышке? — Девушка на полной скорости рванула вперед.

— У меня ограниченные возможности, — скромно ответил я.

Разговор туриста с турагентом — по крайней мере, согласно представлению, которое я составил себе по различным туристическим журналам, — обычно выходит за рамки простой купли-продажи; или же, быть может, разговор этот, предметом которого является столь волнующий воображение товар, как “путешествие”, напротив, высвечивает истинную — таинственную, глубоко человеческую и в чем-то мистическую — сущность всякой купли-продажи. Поставьте себя на одну секунду, дорогой читатель, в положение “туриста”. О чем идет речь? Надо выслушать предложения, которые сделает вам сотрудник (чаще сотрудница) туристической фирмы, сидящая

напротив вас. Она располагает — это ее обязанность — обширными познаниями о возможностях игрового и культурного досуга в местах отдыха, перечисленных в каталогах фирмы; у нее есть более или менее приблизительное представление о составе отдыхающих, о видах спорта, которыми можно заниматься на данном курорте, о знакомствах, какие можно там завязать; именно от нее в большой степени зависит, сбудется ли ваше счастье — или, по крайней мере, возникнет ли возможность для счастья — в течение этих недолгих недель. Ее задача — не просто выдать вам заранее заготовленный, “стандартный” отпуск: несмотря на всю краткость ваших деловых контактов, она должна как можно полнее удовлетворить ваши ожидания, ваши желания, а то и заветные чаяния.

— Могу предложить Тунис. Классическое направление, в январе — по сходным ценам... — начала она, пока что больше *для разгона*. — А еще юг Марокко. Не в сезон там чудесно.

Почему только “не в сезон”? На юге Марокко чудесно круглый год. Юг Марокко я знал очень хорошо, во всяком случае, луч-

[10] ше, чем эта дуреха. Но как бы чудесно там ни было, *мне туда не надо*: вот что я должен вдолбить ей в голову.

— Я не люблю арабские страны, — отрезал я. — Хотя... — Я задумался и вспомнил девушку из Ливана, которую встретил в одном ночном клубе: не девушка — огонь, красивая щелка, сама такая нежная, и вдобавок — большие груди. К тому же один мой коллега рассказывал мне про отель в Хаммамете, куда приезжают целыми группами алжирки и развлекаются друг с другом, вдали от мужских глаз; об этом отдыхе у него остались дивные воспоминания. Пожалуй, арабские страны — это не так уж плохо, при условии, что удастся отгородиться от их дурацкой религии.

— Для меня проблема не в том, что это арабские страны, а в том, что это *мусульманские* страны, — продолжал я. — Нет ли у вас поездки в какую-нибудь немусульманскую арабскую страну? — Это было похоже на каверзный вопрос в телевикторине. Назовите арабскую немусульманскую страну: на ответ — сорок секунд. Она слегка приоткрыла рот.

— У нас еще есть Сенегал... — сказала она, чтобы прервать молчание. Сенегал? Поче-

му бы и нет? Я слышал, что в Западной Африке авторитет белых все еще очень высок. Только заглянешь в дискотеку — и сразу какая-нибудь девчонка пойдет с тобой в бунгало; притом она даже не проститутка, они занимаются этим удовольствия ради. Конечно, им нравится получать подарки, разные золотые вещицы; но какая женщина не любит подарки? Сам не понимаю, с чего я об этом вспомнил; во всяком случае, трахаться мне не хотелось.

— Не хочу трахаться, — сказал я. Девушка удивленно подняла на меня глаза; в самом деле, я пропустил несколько промежуточных этапов в моем рассуждении. Она снова начала рыться в папках. “Знаете, Сенегал — это от шести тысяч франков...” — сказала она наконец. Я грустно покачал головой. Она встала, чтобы заглянуть в другие папки; ей-богу, у этих девушек есть сердце, они принимают во внимание финансовые аргументы. А за окном прохожих осыпало снегом, который под их ногами превращался в грязь.

Она вернулась, снова села напротив и совершенно другим тоном спросила напрямую:

[12]

— А вы не думали о Канарах?

Поскольку я не ответил, она с профессиональной улыбкой стала разъяснять:

— Люди редко думают о Канарах... Это острова в Атлантическом океане, у побережья Африки, омываемые Гольфстримом. Круглый год мягкий, теплый климат. Некоторые наши клиенты были там в январе и купались... — Она дала мне время переварить информацию, затем продолжила: — У нас есть специальное предложение: “Бугенвиль Плайя”. Три тысячи двести девяносто франков за неделю, вылет из Парижа девятого, шестнадцатого и двадцать третьего января. Отель, по местным нормам, — четыре звезды. В номере: ванная комната, фен, кондиционер, телефон, телевизор, мини-бар, индивидуальный платный сейф, балкон с видом на бассейн (за дополнительную плату — с видом на море). Бассейн площадью тысяча квадратных метров с джакузи, сауна, турецкая баня, тренажерный зал. Три теннисных корта, две площадки для сквоша, мини-гольф, настольный теннис. Выступления ансамблей народного танца, экскурсии с отправлением из отеля (разнообразная программа).

В стоимость тура также включены страховка, медицинская помощь и сумма неустойки в случае отмены.

[13]

— А что за место? — не удержался я от вопроса.

— Лансароте.

Встреча Нового года у меня прошла неудачно: я попробовал подключиться к Интернету, но не сумел. Я недавно переехал в новую квартиру; наверно, надо было заново установить модем или что-нибудь еще. Безуспешные попытки подключиться к Сети скоро меня утомили, и к одиннадцати часам я заснул. Такой вот современный Новый год.

Я выбрал для отъезда девятое января. Накупил себе газет в киоске аэропорта Орли. В "Интим-курьер" было то же, что и всегда. "Пари-матч" на нескольких страницах рецензировал книгу Бернара Анри Леви о Сартре. "Нуфель обсерватер" уделил внимание сексуальной жизни подростков

и столетию Жака Превера. А “Либерасьон” в очередной раз философствовала о холокосте, о долге памяти, о том, как больно шведам, когда принимаются ворошить нацистское прошлое их страны. Я подумал, что новый век ничем не отличается от старого. Впрочем, новый век еще не наступил; так, по крайней мере, утверждал некий лингвист в ток-шоу “Давайте поспорим”, которое вчера передавали по телевизору; на самом деле новый век (и, соответственно, тысячелетие) наступит только в 2001 году. Наверно, в смысле хронологической точности он прав; однако было ясно: он говорит все это главным образом для того, чтобы уесть Деларю. Как бы то ни было, но цифра 2000 начинается с двойки, и это очевидно для каждого.

Полет над Францией и Испанией прошел хорошо; я почти все время спал. Когда проснулся, самолет летел над побережьем Португалии, и местность под крылом казалась засушливой. Затем он повернул и оказался над океаном. Я еще раз попытался вникнуть в содержание купленных мной журналов. Солнце садилось над Атлантикой, а я

[16]

вновь задумался о вчерашней телепередаче. Одна из участниц, актриса порнофильмов, без страха смотрела в новое тысячелетие; мужчины ведь останутся мужчинами, говорила она, так чего же еще. А вот ученый-историк, напротив, придавал серьезное значение самому понятию “век”, причем трактовал его расширительно: по его мнению, XIX век по-настоящему закончился лишь в 1914 году. Ученый-генетик, придерживающийся левых взглядов, возмутился: немыслимо, недопустимо, что в канун 2000 года столько людей на планете умирают от голода. Академик с правыми взглядами иронически заметил: ему, как любому человеку, очень жаль, что в мире существуют войны и голод; тем не менее он находит совершенно бесперспективными все попытки изменить судьбу человечества, пока не достигнуты коренные изменения в самой природе человека; таким образом, он, по сути, солидаризировался с актрисой порнофильмов, — в ходе передачи между ними, похоже, возникло взаимопонимание. Однако он был мало знаком с последними достижениями молекулярной биологии, а потому совершенно не отдавал

себе отчета в том, что эти изменения (к которым он так горячо призывал, будучи совершенно уверен в их невозможности) отныне стали вполне осуществимыми, — причем в обозримые сроки. Генетик с левыми взглядами был, разумеется, в курсе дела; но он был убежденный сторонник активных политических действий и демократии, а потому гневно отвергал подобные замыслы. В общем, эта дискуссия, как и все остальные, представляла собой сборище идиотов. Я заснул и проспал до самого приземления. Если дела обстоят таким образом, думал я, то мы нескоро увидим подлинное начало нового века.

Надо признать, трансфер в отель был организован отлично. Вот что нам останется от XX века: успехи в науке и технике. Все-таки микроавтобус “тойота” — это вам не дилижанс.

Если Лансароте, в отличие от Корфу или Ибицы, не может предложить отпускникам *crazy techno afternoons*¹, то в еще меньшей степени он подходит для любителей “отдыха среди зелени” (такова уж природа на этом острове). Казалось бы, последний оставшийся шанс — это развитие “культурного туризма”, столь привлекательного для учителей-пенсионеров, а также для других пожилых туристов со средним достатком. Ведь на испанском острове, за неимением ночных клубов, ожидаешь увидеть хоть какие-нибудь памятники архитектуры (барочные монастыри, средневековые крепо-

1 Крутые тусовки в стиле “техно” (англ.).

сти и т.д.). К несчастью, вся эта красота была уничтожена в период с 1730-го по 1732 год в результате целой серии подземных толчков и вулканических извержений невиданной силы¹. Стало быть, и на культурный туризм тут рассчитывать нечего.

Неудивительно, что при таких невыигрышных данных Лансароте на этом острове можно встретить лишь чудаковатых пенсионеров из англоязычных стран да еще похожих на призраки туристов из Норвегии (у которых нет иной видимой цели, кроме как оправдать утверждение, будто “в январе там купались”). В самом деле, разве для норвежцев существует что-либо невозможное? Норвежцы полупрозрачные; если их поместить на солнце, они почти сразу же умирают. В начале 50-х годов они открыли Лансароте для туризма, но потом перестали посещать этот остров, расположенный на Крайнем Юге их желания, — как выразился бы Андре Бретон в один из своих удачных дней. Островитяне сохранили о них трогательные воспоминания: об этом свидетельствуют меню на норвежском языке

1 См. приложение в конце книги. (Прим. автора.)

[20] ке, с полустершимися от времени буквами, вывешенные у входа в рестораны, где чаще всего нет посетителей. Далее по ходу нашего повествования можно будет не упоминать норвежцев.

Чего не скажешь об англичанах, а также о проблеме, связанной с тем, как англичане проводят отпуск. Подобной проблемы не возникает ни с немцами (они готовы ехать куда угодно, лишь бы там было солнце), ни с итальянцами (которые готовы ехать куда угодно, лишь бы там были красивые задницы); а о французах мы говорить не будем¹. Странное дело: в местах, где обычно проводят отпуск европейцы со средними или высокими доходами, вы не увидите англичан. Однако напряженное, систематическое исследование, опираю-

1 Заметим все же, что именно во Франции появился "Путеводитель для Непоседы" (увы, существующий теперь и в переводе на испанский), который со своим горячим сочувствием разным общественным движениям (экологическим, гуманитарным), со своими неоправданными предпочтениями, со своими призывами путешествовать "по-умному", идти людям навстречу (прежде, чем осудить, попробуй понять), рьяно искать обреченную на исчезновение "самобытность", поставил новый мировой рекорд идиотизма. Спешим успокоить читателя: в "Путеводителе для Непоседы" Лансароте не упоминается. (Прим. автора.)

щеся на значительные средства, позволит ознакомиться с особенностями их летнего времяпрепровождения. Объединившись в небольшие группы, они отправляются на разные полумифические острова, о которых ни слова не говорится в каталогах континентальных турагентств: на Мальту, на Мадейру или как раз на Лансароте. Прибыв на место отдыха, они принимаются жить там по своим обычным правилам.

Если их спросить, почему они приехали именно сюда, а не куда-либо еще, они ответят уклончиво, на грани тавтологии: “Я приехал сюда потому, что был здесь в прошлом году”. Как мы видим, англичанину не свойственна жажда новизны. В самом деле, понаблюдав за ним на отдыхе, вы заметите, что он не интересуется ни архитектурой, ни окружающей природой, ни чем бы то ни было еще. С наступлением вечера, после недолгого пребывания на пляже, он оказывается в баре, где ему подают необычные аперитивы. Итак, присутствие англичанина в одном из мест отдыха никоим образом не связано с интересом к данному месту, к красоте его пейзажей или к его богатому туристическому потенциалу. Ан-

[22]

гличанин приезжает на курорт по одной-единственной причине: он уверен, что встретит там других англичан. В этом отношении он — прямая противоположность французу, тщеславному созданию, настолько влюбленному в себя, что встреча с соотечественником за границей для него просто невыносима. Поэтому можно смело рекомендовать французам Лансароте как идеальное место отдыха. И в особенности — *французским поэтам-герметикам*, у которых там будет полная возможность сочинять опусы вроде:

Тень,
Тень тени,
Следы на скале.

Или в духе Гильвика:

Камень,
Камешек,
Ты дышишь.

Покончив с французским поэтом-герметиком, я могу перейти к *рядовому французскому туристу*. Поскольку в “Путеводителе для Непоседы” про Лансароте ничего не говорится, рядовой французский турист рис-

кует испытать на этом острове все симптомы тяжелой скуки. Англичанину, понятное дело, это было бы нипочем; француз же — создание не только тщеславное, но также и нетерпеливое и легкомысленное. Будучи автором печально знаменитого “Путеводителя для Непоседы”, француз в более благополучные времена сочинил еще и знаменитый путеводитель “Мишлен” с удачно придуманной системой звездочек, которая впервые позволила оценить все точки на нашей планете по своего рода шкале привлекательности.

А привлекательных для туриста объектов на Лансароте немного: точнее, всего два. Первый из них находится к северу от Гуатисы — это “Сад кактусов”. Различные виды этих растений, отобранные за их исключительное уродство, выставлены на обозрение по сторонам аллей, вымощенных вулканическим камнем. Жирные, оцетившиеся колючками кактусы убедительно символизируют всю мерзость растительного мира — чтобы не сказать шире. Так или иначе, но “Сад кактусов” не слишком велик; лично мне, чтобы осмотреть его, хватило бы и получаса, но я записался на коллектив-

[24]

ную экскурсию, и у выхода пришлось дожидаться какого-то усатого бельгийца. Я заметил его еще раньше, когда он застыл в неподвижном созерцании перед большим лиловым кактусом в форме фаллоса, который — видимо, желая создать эффектную композицию — посадили перед двумя кактусами поменьше, изображавшими яички. Сосредоточенность этого человека поразила меня: зрелище, конечно, было занятное, однако не сказать чтобы уникальное. Другие кактусы напоминали снежные хлопья, фигуру спящего человека или кувшин. Идеально приспособившись к непригодной для жизни среде, кактусы ведут, если можно так выразиться, формально ничем не стесненное существование. Растут они почти всегда обособленно, поэтому ничто не вынуждает их подчиняться требованиям того или иного окружения. Хищные звери, которых немного в пустыне, даже не приближаются к ним, боясь напороться на колючки. Отсутствие ограничений, какие налагает естественный отбор, позволяет им принимать причудливые и нелепые формы, вызывающие смех у туристов. Сходство кактусов с мужскими половыми

органами неизменно впечатляет туристок из Италии; однако этот усатый субъект, по видимому, бельгиец, как-то уж слишком увлекся; по всем признакам, он был в классическом состоянии гипноза.

Другая достопримечательность Лансароте занимает несколько большую территорию; это гвоздь туристической программы. Я имею в виду Parque Nacional de Timanfaya¹, находящийся в эпицентре вулканических извержений. Пусть вас не вводят в заблуждение слова “Национальный парк”: могу поручиться, что на двадцати квадратных километрах этого заповедника вы не встретите ни одного животного, если не считать нескольких верблюдов, на которых катаются туристы. В автобусе, ожидавшем нас перед отелем, я оказался рядом с усатым бельгийцем. Проехав несколько километров, мы свернули на прямую как стрела дорогу, проложенную среди хаотического нагромождения камней. Первая остановка для фотографирования была предусмотрена сразу после въезда в парк.

¹ Национальный парк Тиманфайя (*исп.*).

[26]

Примерно в километре от нас расстилась равнина, усеянная черными скалами с острыми зубчатыми краями; ни травинки, ни букашки. А на заднем плане вставали вулканы, закрывавшие горизонт своими багровыми, кое-где почти фиолетовыми склонами. Эрозия не смягчила этот пейзаж, не придала ему затейливой формы; он был первоначально дик и суров. Мы разговорились было, а теперь замолчали. Рядом со мной стоял бельгиец, в джемпере с надписью "University of California" и белых бермудах; его, казалось, обуревало какое-то смутное волнение. "Я думаю..." — невнятным голосом начал он, но осекся. Я искоса взглянул на него. Он вдруг застеснялся, нагнувшись, достал из сумки фотоаппарат и стал отвинчивать объектив с переменным фокусным расстоянием, чтобы поставить вместо него обычный.

Я вернулся в автобус; когда он пришел, я предложил ему занять место у окна, и он поспешил согласиться. Две немки в спортивных костюмах вздумали пройтись по каменистой равнине; но продвигались они с трудом, не помогали даже кроссовки на толстой подошве. Шофер несколько раз

погудел, чтобы поторопить их; они вернулись, медленно покачиваясь, словно два непомерно больших эльфа.

[27]

Остальная часть экскурсии проходила по той же схеме. Дорога была проложена в промежутке между отвесными скалистыми стенами с точностью до сантиметра. Через каждую тысячу метров открывалась расчищенная бульдозером площадка, о которой заранее предупреждал дорожный знак с изображением старинного фотоаппарата. Там автобус останавливался, и участники экскурсии, теснясь на нескольких квадратных метрах асфальта, принимались фотографировать. Им казалось нелепым, что все толкуются на этой маленькой площадке, и каждый пытался выделиться, выбирая кадр по-своему. Внутри группы мало-помалу возникали дружеские связи. Хотя у меня не было с собой аппарата, я ощущал себя заодно с бельгийцем. Если бы он попросил меня помочь поменять объектив или убрать фильтры, я бы это сделал. Так у меня обстояло дело с этим бельгийцем. А в смысле секса меня больше привлекали туристки из Германии. Это были две рослые де-

[28]

вицы с тяжелыми грудями, очевидно, лесбиянки; но я очень люблю смотреть, как две женщины мастурбируют и лизжут друг другу щелку; однако у меня нет знакомых лесбиянок, и на такое удовольствие рассчитывать не приходится.

Кульминационным моментом экскурсии — как в плане топографии, так и в эмоциональном плане — было посещение места под названием “Страж Тиманфайи”. На то, чтобы грамотно воспользоваться возможностями, какие предоставляются в здешних местах, нам отвели два часа свободного времени. Вначале один из гидов продемонстрировал нам аттракцион, чтобы мы поняли: под нами — действительно вулкан. В узкую трещину в земле опускали отбивные котлеты; когда их доставали, они были изжарены!. Кругом слышались крики и аплодисменты. Я узнал, что немок зовут Пэм и Барбара, а бельгийца — Руди.

Затем нам предлагались различные виды развлечений. Можно было заняться покупкой сувениров или посетить ресторан с изысканной кухней разных народов. Те, кто увлекался спортом, могли прокатиться на верблюде.

Я обернулся и заметил, что Руди подошел к стаду, в котором было десятка два верблюдов. Не сознавая грозящей ему опасности, заложив руки за спину, словно любопытный ребенок, он приближался к чудовищам, тянувшим к нему свои длинные, гибкие, змееподобные шеи, увенчанные маленькими свирепыми головками. Я поспешил к нему на помощь. Среди всех животных, какие есть на свете, верблюд, бесспорно, одно из самых агрессивных и злобных. Мало кто из высших млекопитающих — разве что некоторые обезьяны — кажутся настолько люто-злобными. В Марокко нередки случаи, когда верблюд отхватывает несколько пальцев у туристки, попытавшейся его погладить. “Говорил ведь даме: будьте осторожнее, — лицемерно сетует погонщик. — Верблюд сердитый...”; а верблюд между тем с аппетитом *сжирает* оторванные пальцы.

— Поосторожнее с верблюдами! — весело крикнул я. — Впрочем, это дромадеры.

— А в словаре “Робер” сказано: “одногогорбий, или аравийский, верблюд”, — задумчиво заметил Руди, однако не сдвинулся с места.

[30]

В эту минуту вернулся погонщик и изо всех сил стукнул палкой по голове ближайшего верблюда, тот попятился, чихнув от бешенства.

— Camel trip, mister?¹

— Нет-нет, я просто смотрю, — загадочно ответил Руди.

Немки подошли тоже, они восторженно и возбужденно улыбались. Мне очень хотелось посмотреть, как они будут взбираться на верблюдов, но следующая прогулка должна была начаться только через пятнадцать минут. Чтобы убить время, я зашел в сувенирную лавку и купил там брелок для ключей в виде вулканчика. Потом, когда мы поздним вечером возвращались в отель, я сочинил стихотворение в честь французских поэтов-герметиков:

Верблюд,
Кругом верблюды,
Мой микроавтобус заблудился.

“Денек выдался на славу, — подумал я, вернувшись к себе в номер и изучая содер-

1 Покатаетесь на верблюде, мистер? (англ.)

жимое мини-бара. — Нет, правда, отличный был денек...”

[31]

Был вечер понедельника. Пожалуй, на этом острове можно сносно провести неделю. Не так чтобы очень увлекательно, но сносно.

*Я спокойно разговариваю;
я спокойно живу;
я продаю телефоны в марте,
в апреле и в сентябре.*

*Грюнбер и Жакоб,
Изучение испанского языка
ассоциативным методом*

Когда проводишь дни на пляже — как, впрочем, и всегда в жизни, — единственный приятный момент — это завтрак. Я подходил к стойке три раза: чорисо, яичница... зачем себе в чем-то отказывать? Так или иначе, раньше или позже, но мне надо было идти в бассейн. Немки уже заняли себе места, разложив на пластиковых стульях пляжные полотенца. За соседним столиком ка-

кой-то усатый бритоголовый верзила пожирал холодное мясо. На нем были кожаные брюки и футболка с надписью “Motorhead”. С ним была женщина совершенно непристойного вида, ее огромные силиконовые груди выпирали из крохотного лифчика бикини; розовые латексные треугольнички прикрывали только соски. По небу неслись облака. Как я понял чуть позже, облака постоянно движутся над Лансароте в восточном направлении, но никогда не проливаются дождем; на этом острове осадков практически не бывает. Все великие идеи, какими прославилась западная цивилизация, будь то в Иудее или в Греции, родились под неизменным, утомительно синим небом. А здесь было иначе; небо все время напоминало о себе.

Салоны отеля “Бугенвиль Плайя” в этот ранний час были безлюдны. Я вышел в сад и несколько минут прогуливался среди цветущих кустов — наверно, это были бугенвиллеи, а может, и нет, мне, во всяком случае, было наплевать. В клетке сидел попугай и смотрел на мир круглыми хищными глазами. Он был громадный — впрочем, я слышал, что попугаи иногда доживают до се-

[34]

мидесяти или даже до восьмидесяти лет и растут всю жизнь; некоторые экземпляры достигают метровой длины. К счастью, в это время их поражает инфекционная болезнь с летальным исходом. Я прошел мимо клетки и углубился в обсаженную кустами аллею, как вдруг услышал за спиной: “Ты дурак! Ты дурак!” Я обернулся: да, это был попугай, теперь он верещал: “Дуррак! Дуррак!” без умолку, со всевозрастающим возбуждением. Я ненавижу птиц, и обычно они платят мне тем же; если, конечно, попугая можно назвать птицей. Как бы там ни было, он сделал ошибку, попытавшись схитрить со мной; другим птицам я сворачивал шею и за меньшее.

Аллея все извивалась среди цветущих кустов, пока не оборвалась у короткой лестницы, ведущей на пляж. Какой-то турист из Скандинавии, с трудом сохраняя равновесие на крупной гальке, медленно проделывал упражнения китайской гимнастики “тай-ши-хуан”. Вода была серого, в крайнем случае — зеленого, но уж никак не синего цвета. Хотя остров принадлежал Испании, в нем не было ничего средиземноморского: мне следовало признать это. Я прошел

метров сто вдоль кромки прибоя. Океан был прохладным и слегка волновался.

Потом я уселся на кучу гальки. Камешки были черные, явно вулканического происхождения. Однако, в отличие от причудливых зубчатых скал Тиманфайи, они были округлой формы. Я взял один: он был абсолютно гладкий на ощупь. За три столетия эрозия сделала свое дело. Я улегся, размышляя о единоборстве стихийных сил, которое столь наглядно проявляется на Лансароте: вулкан создает, океан разрушает. Это были приятные размышления, без очевидной цели, не стремившиеся ни к какому выводу; я предавался им минут двадцать.

Раньше я пребывал в убеждении, что отпуск за границей поможет мне *выучить язык страны*; в сорок с лишним лет я еще не вполне утратил эту иллюзию, а потому незадолго до отъезда обзавелся руководством по ускоренному изучению испанского языка. Принцип ассоциативного метода Линквуда состоял в том, что обучающийся должен наглядно представить себе некоторые ситуации; эти ситуации описывались фразами, содержащими в себе французское сло-

[36]

во и фонетический эквивалент соответствующего испанского слова. Например, чтобы выучить, что по-испански этажерка будет “эстанте”, надо было выполнить следующее указание: “Представьте себе, что *эстанты* стоят на этажерке”. Хотите запомнить, что ящик по-испански — “кахон”? “Представьте себе ящик, где лежит *картон*”. Опасность обозначается словом “пелигро”; усваивать это надо так: “Представьте себе, что люди *пели*, — и раздался гром: опасность!” Когда испанское слово было чересчур похоже на французское, во фразе присутствовал тореро, “типично испанский персонаж”. Для запоминания слова “кретино” (кретин) предлагалась следующая сентенция: “Представьте себе, что все тореро — кретины”.

Некоторые странности учебника были связаны с его общей концепцией, и все же отдельные фразы, предлагаемые для перевода, мягко говоря, озадачивали: “Мои собаки в банке”, или: “Ваш доктор хочет больше денег, а мой дантист хочет больше сыра”. Когда ты молод, глупость кажется забавной, но в определенном возрасте она уже начинает утомлять, и я заснул. А про-

снувшись, увидел, что солнце стоит высоко, небо прояснилось; стало почти жарко. Рядом со мной были разложены два полотенца в стиле “техно”. Я заметил у берега Пэм и Барбару, они стояли по пояс в воде. Резвились, вскакивали верхом друг на друга, выбрасывали друг друга на берег, потом нежно обнимались, грудь к груди, это было восхитительно. “Но где же Руди?”, — подумал я.

Пэм и Барбара пришли обсушиться. Вблизи Пэм не казалась такой крупной, она была как девочка со своими короткими черными волосами; но животная невозмутимость Барбары поражала в самое сердце. У нее были очень красивые груди, я даже подумал, не оперировалась ли она. По всей видимости, да: когда она лежала на спине, они слишком уж торчали кверху; но в целом все выглядело очень естественно, наверно, над ней поработал первоклассный хирург.

Мы перебросились несколькими словами о защитных кремах от солнца, о разнице между данными, указанными в листовке, и реальными свойствами крема: можно ли доверять австралийской норме? Пэм

[38]

читала роман Мари Деплешен в немецком переводе, что позволяло мне завязать с ней разговор о литературе; но я не знал, что говорить о Мари Деплешен, а главное, меня начинало беспокоить отсутствие Руди. Барбара приподнялась на локтях, чтобы принять участие в разговоре. Я не мог удержаться и взглянул на ее груди; и почувствовал, что у меня встает. К несчастью, она не понимала ни слова по-французски. “You have very nice breast”¹, — сказал я наобум. Она широко улыбнулась и ответила: “Thank you”. У нее были длинные белокурые волосы, голубые глаза, и, похоже, она была славная девчонка. Я поднялся на ноги, объясняя: “I must look at Rudi. See you later...”²; затем мы расстались, помахав друг другу на прощанье рукой.

Было уже начало четвертого, люди заканчивали обедать. Проходя мимо доски объявлений, я обнаружил там кое-какие добавления к обычной программе. Помимо традиционных поездок в “Сад кактусов” и Национальный парк Тиманфайя, сегодня проводилась экскурсия на глассере на ост-

1 У вас очень красивая грудь (англ.).

2 Я должен присмотреть за Руди. Увидимся позже... (англ.)

ров Фуэртевентура. Он — самый ближний к Лансароте, низменный, с песчаной почвой, пейзажи интереса не представляют; зато там есть огромные пляжи, на которых можно купаться без всякого риска; эти сведения я почерпнул из буклета, лежавшего на столе у меня в номере. Возможно, этим и объясняется отсутствие Руди: он просто поехал на экскурсию; я перестал волноваться и пошел к себе смотреть CNN. Мне страшно нравится смотреть телевизор при выключенном звуке, это напоминает аквариум и располагает к послеобеденной дремоте; вдобавок это небезынтересное зрелище. Однако на сей раз я никак не мог сообразить, что за войну мне показывают. На экране скакали молодчики с автоматами, которые показались мне чересчур смуглыми для чеченцев. Я подкорректировал цвет: нет, все равно они слишком смуглые. Может быть, это тамилы; у тамиллов тоже была какая-то заварушка. Надпись в нижней части экрана напомнила мне, что мы живем в 2000 году; удивительно все-таки. Переход от эпохи военных к эпохе промышленников, о котором основатель позитивизма возвестил еще в 1830 году, совер-

[40]

шался крайне медленно. И однако, если верить картине мира, которую дают нам вездесущие средства массовой информации, способность человечества жить одной судьбой и по одному календарю кажется все более и более поразительной. Смена тысячелетий, даже если она ничего не означает сама по себе, возможно, сыграет роль *self-fulfilling prophecy*¹.

По экрану прошел слон: веский довод в пользу тамильской версии; хотя, с другой стороны, война шла еще и в Бирме. Как бы там ни было, мы стремительно приближаемся к созданию всемирной федерации под управлением Соединенных Штатов Америки, и с английским языком в качестве государственного. Разумеется, перспектива жить под властью идиотов несколько смущает; но ведь это не в первый раз. Судя по тем свидетельствам, которые оставили о себе древние римляне, они явно были нацией придурков; что не помешало им покорить Иудею и Грецию. А потом явились варвары, и так далее, и так далее. Получался некий круговорот, мысль о котором дей-

1 Пророчество, которое неминуемо сбудется (англ.).

ствовала угнетающе; и я переключил телевизор на канал MTV. MTV без звука — это вполне сносно; приятно поглядеть, как резвятся хорошенькие киски в коротких топиках. В конце концов я достал член и стал мастурбировать, пока на экране показывали рэп, а потом заснул и проспал часа два.

В половине седьмого вечера я спустился в бар, чтобы воспользоваться скидкой, которую там давали клиентам в определенное время. Когда я остановил свой выбор на коктейле “матадор-сюрприз”, в бар вошел Руди. Как можно было не пригласить его присоединиться ко мне? И я его позвал.

— Хорошо провели день? — спросил я непринужденным тоном. — Я решил, что вы поехали на Фуэртевентуру.

— Вы угадали. — Он в нерешительности покачал головой, прежде чем продолжить: — Зря потерял время. Там нет ничего интересного, право же, ничего. Я перепробовал все варианты экскурсий, какие предлагают у нас в отеле: эта была последняя.

— Вы приехали на неделю?

— На две, — уныло сказал он. Он и правда здорово влип. Я предложил ему заказать коктейль. Пока он изучал карту, я мог как следует рассмотреть его лицо. Несмотря на несколько дней, проведенных на солнце, кожа у него была бледная, на лбу залегли озабоченные складки. Черные, слегка тронутые сединой, коротко подстриженные волосы, густые усы. Взгляд печальный, даже немного дикий. Я подумал, что ему, должно быть, под пятьдесят.

Мы поговорили о Лансароте, о красоте его пейзажей. После трех “матадор-сюрпризов” я решил перейти на личные темы.

— У вас необычный выговор... Я подумал, что вы бельгиец.

— Не совсем. — И неожиданно улыбнулся какой-то удивительной, почти детской улыбкой. — Я родился в Люксембурге. Я тоже, можно сказать, иммигрант. — Он говорил о Люксембурге, словно о потерянном рае, тогда как для большинства людей это крошечная, заурядная, ничем не примечательная страна, — по сути, даже и не страна, а просто набор чисто символических учреждений, разбросанных среди садов и

[44] парков, — почтовых ящиков для фирм, стремящихся уйти от налогов.

Оказалось, Руди был инспектором полиции и жил теперь в Брюсселе. За ужином он с горечью рассказывал мне об этом городе. Уровень преступности там был ужасающий; все чаще и чаще группы хулиганствующей молодежи нападали на прохожих среди бела дня, в оживленных торговых центрах. А про ночное время и говорить нечего; женщины давно уже перестали одни выходить на улицу после захода солнца. Мусульманский экстремизм принял угрожающие масштабы; Брюссель наряду с Лондоном превратился в гнездо террористов. На улицах и площадях попадаетея все больше женщин с закрытыми лицами. В довершение всего обострился конфликт между фламандцами и валлонами; партия “Фламандский блок” могла вот-вот прийти к власти. Он говорил о столице Европейского союза как о городе, где назревает гражданская война.

С личной жизнью дело обстояло не лучше. Когда-то у него была жена, марокканка, но пять лет назад они расстались. Она

вернулась в Марокко, забрав детей; больше он их не видел. В общем, как мне показалось, в своей жизни Руди приближался к полной человеческой катастрофе.

Что привело его на Лансароте? Чувство неуверенности, потребность в отдыхе, напористая девица из турагентства: короче говоря, классический сценарий.

— Так или иначе, но французы презирают бельгийцев, — сказал он в заключение, — и, что хуже всего, они правы. Бельгия — загнивающая, нелепая страна, страна, которой вообще не должно быть на свете.

— Мы можем взять напрокат машину... — предложил я, чтобы разрядить обстановку.

Похоже, мое предложение его удивило; я заговорил с воодушевлением. На острове были по-настоящему красивые виды; мы могли заметить это во время экскурсии в Тиманфайю. Конечно, сами жители Лансароте не обращали внимания на красоты родного края; но в этом отношении они походили на большинство туземцев. В остальном же это были странные существа. Малорослые, робкие, печальные, они вели себя со сдержанным достоинством; они не

[46]

имели ничего общего с типом жизнерадостного обитателя Средиземноморья, который так привлекает норвежских или голландских туристок. Казалось, эта печаль у них — с незапамятных времен; из книги Фернандо Аррабаля о Лансароте я узнал, что у доисторических жителей острова никогда не возникала мысль выйти в море; все, что находилось вне родных берегов, представлялось им пагубной ловушкой. Разумеется, они не могли не видеть огней, светившихся на ближних островах; но им ни разу не захотелось узнать, зажжены ли эти огни человеческими существами и если да, то похожи ли эти люди на них. Они полагали, что вершина мудрости — воздерживаться от любых контактов. Таким образом, история Лансароте от глубокой древности до недавних времен была историей абсолютной изоляции; впрочем, от этой истории не сохранилось ничего, кроме отрывочных сведений, записанных испанскими священниками, которые расспрашивали местных жителей перед тем, как благословить их полное истребление. Впоследствии этот недостаток информации послужил импульсом к возникнове-

нию различных мифов о происхождении Атлантиды.

[47]

Я заметил, что Руди меня не слушает: он допивал вино из своего бокала, то ли опьянев, то ли погрузившись в раздумья. Правда, я отклонился от темы. Жители Лансароте, продолжал я с воодушевлением, в своем отношении к красоте не отличаются от всех прочих *туземцев*. Совершенно нечувствительный к окружающему великолепию, туземец обычно озабочен тем, как бы все это изгадить, — к огорчению туриста, существа чувствительного, стремящегося к счастью. Узнав от туриста о красоте родной природы, туземец обретает способность замечать и охранять эту красоту, а также налаживать ее коммерческую эксплуатацию в форме *экскурсий*. Однако на Лансароте этот процесс еще только начинается; поэтому не стоит удивляться, что отель предлагает только три экскурсии. Так отчего бы не взять машину напрокат? И не осмотреть самостоятельно все эти лунные (или, как утверждают в турагентстве, марсианские) пейзажи? Нет, наш отдых не кончился, на самом деле он только начинается.

[48]

Руди откликнулся на это предложение немедленно, с готовностью, какой я от него не ожидал. На следующее утро мы зашли в агентство по аренде автомобилей и взяли на три дня “субару”. Теперь надо было выбрать маршрут. Я запасся картой.

— В Тегуисе есть рынок... — нерешительно предложил Руди. — Мне надо что-нибудь привезти племянницам.

Я с упреком взглянул на него. Я хорошо представлял себе этот рынок, все эти лавчонки с кучами аляповатых ремесленных поделок. Впрочем, ладно: рынок был по дороге в Плайя-де-Фамара, где находился, бесспорно, лучший из всех пляжей Лансароте: так, по крайней мере, говорилось в буклетах, которые давали нам в отеле.

Прямая как стрела дорога в Тегуисе пролегла через пустыню, усеянную попеременно то черными, то красными, то охра-но-желтыми камнями. На совершенно плоской местности возвышались одни

[50]

лишь вулканы; в этих громадах, видневшихся вдали, было что-то необъяснимо успокаивающее. Дорога была безлюдна, мы ехали, не произнося ни слова. Будто в каком-то фантастическом вестерне.

В Тегуисе мне удалось припарковаться возле главной площади, и я уселся за столик на террасе кафе, предоставив Руди одному прогуливаться среди лавчонок. Продавали там главным образом плетеные корзинки, керамику и тимплес — маленькие четырехструнные гитары, которыми, опять-таки по утверждению рекламного буклета из отеля, славится Лансароте. Я был почти уверен, что Руди купит своим племянницам тимплес; я бы на его месте сделал именно это. Но интереснее всего на этом рынке были не товары, а покупатели. Там не попадалось ни наглых типов в бейсболках ФРАМ, ни туристов из Оверни. Толпа, теснившаяся у прилавков, состояла в основном из шлюх в стиле “техно” и шикарных хиппи; казалось, что находишься на Гоа или на Бали, а не на испанском острове, затерянном посреди Атлантики. К тому же большинство кафе на рыночной площади предлагали недорого e-mail и доступ к Ин-

тернету. За соседним столиком сидел боро-
датый верзила в белом льняном костюме и
изучал “Бхагават-Гиту”. Рюкзак у него тоже
был белый, с надписью: “IMMEDIATE
ENLIGHTENMENT – INFINITE LIBERATION
– ETERNAL LIGHT”¹. Я заказал салат с ось-
миногами и пиво. Какой-то молодой па-
рень с длинными волосами, в белой майке
с многоцветной звездой подошел ко мне с
пачкой брошюр. “No, thanks”, – торопли-
во сказал я. К моему удивлению, он отве-
тил по-французски: “Это бесплатно, месье.
Занимательный тест, который поможет
вам раскрыть свойства вашей личности”.
Я взял у него брошюрку. Вечный Свет, по-
глощенный чтением, высокомерно отверг
ее. Человек десять ходили по площади, раз-
давая эти брошюрки.

Вам сразу объясняли, что к чему, – на пер-
вой странице крупными буквами было на-
печатано: “АЗРАИЛИТСКАЯ РЕЛИГИЯ”.
Я уже слышал об этой секте: во главе ее сто-
ял некий Филипп Лебёф, бывший репор-
тер, писавший о скачках в провинциальной
газете, – если не ошибаюсь, в клермон-

1 “Мгновенное озарение – бесконечное освобождение –
вечный свет” (англ.).

[52]

ферранской “Горе”. В 1973 году во время экскурсии в кратер потухшего вулкана Пюи-де-Дом он встретился с инопланетянами. Они сказали, что их следует называть “анаким”; когда-то, миллионы лет тому назад, они создали в лаборатории род человеческий и с тех пор издали наблюдали за эволюцией своих созданий. Разумеется, они передали Филиппу Лебёфу свое послание. Он бросил писать заметки о конном спорте, принял имя Азраил и основал движение азраилитов. Одной из возложенных на него миссий было строительство резиденции, в которой смогли бы остановиться анаким, когда они в следующий раз посетят Землю. Этим мои познания исчерпывались; кроме того, я знал, что эта секта считается опасной и за ее деятельностью пристально наблюдают.

Впрочем, брошюрка, которую дал мне длинноволосый парень, была совершенно безобидной. Вначале шел заголовок: “Определите ваш коэффициент чувственности”. Затем следовали вопросы типа: “Часто ли вы занимаетесь онанизмом?” или “Приходилось ли вам заниматься групповым сексом?”; подобные тесты

можно найти в любом номере журнала “Elle”.

[53]

К Вечному Свету подседа за столик его подружка, успевшая купить себе какую-то плетеную дребедень. Увидев, что я курю, она в ужасе отшатнулась; я тут же потушил сигарету. Она была чрезвычайно похожа на учительницу из Австралии. Вечный Свет раскрыл рот от изумления: погрузившись в изучение священной книги, он даже не заметил, что рядом кто-то курит. Надо было уходить оттуда, с такими типами дело могло принять опасный оборот. Куда запропастился Руди? Я не спеша обошел вокруг площади и наконец заметил его: он вел серьезный разговор с одним из азрайлитов.

По пути в Фамару он сообщил мне некоторые дополнительные данные. Согласно учению Азраила, анаким создали не только человека, но и всю жизнь на Земле. “С чем я их и поздравляю...” — ухмыльнулся я. Впрочем, это было не такой уж нелепостью: я уже слышал различные теории о внеземном происхождении жизни, о спорах марсианских бактерий или чего-то в этом роде. Я не знал, подтвердились ли эти

[54]

теории или же были опровергнуты, и, честно говоря, мне на это было наплевать. До Эрмита-де-лас-Ньевес дорога петляла по горам, а потом стала спускаться к морю. Оказавшись на вершине, я заметил, что на западном побережье острова погода совсем другая. По небу ползли тяжелые тучи, между скалами свистел ветер.

Тех, кто приезжает в Фамару, ждет безрадостная картина: идея создать здесь морской курорт оказалась крайне неудачной. Вот где сильнее всего ощущается норвежское влияние. Некоторые домовладельцы с льняными волосами самоотверженно возделывают чахлые садики (хотя небо над Фамарой всегда пасмурное, здесь, как и на всем острове, не выпадает ни капли дождя); они стоят с граблями в руке и смотрят, как мы проезжаем мимо. Повсюду объявления: "Rooms to rent"¹. Кроме нашей машины, на приморском шоссе почти никого не было; услышав шум мотора, владельцы кафе с надеждой выглядывали из дверей. Правда, пляж был великолепен, — белая песчаная дуга длиной в несколько километ-

1 "Сдаются комнаты" (англ.).

ров, но море было такое серое, такое неспокойное, что пропадало всякое желание купаться, а одним виндсерфингом месячный отпуск не заполнишь. Кругом не было слышно ни единого звука, который выдавал бы присутствие человека: ни телевизора, ни транзистора, ничего... Наполовину занесенные песком катера и яхты потихоньку ржавели.

Все это нисколько не испортило мне настроение; напротив, именно тогда я почувствовал, что начинаю любить этот остров. А вот Руди, похоже, был страшно разочарован, он чуть не плакал. “Послушай, — счел я своим долгом вмешаться, — послушай, неудивительно ведь, что тут мало народу. Погода все время пасмурная, море угрюмое... и скучища невыносимая”. По единодушному решению мы повернули назад, к вулканам.

По мере того как мы спускались с гор к югу, пейзажи становились все более и более впечатляющими. Когда мы проехали развилку Тинахо, Руди захотел остановиться. Он вышел и направился на небольшую площадку на самом краю обрыва.

[56]

Я подошел к нему. Он смотрел вдаль неподвижным взглядом, словно его загипнотизировали. Под нами простиралась безжизненная каменная пустыня. У подножия скалы открывалась громадная, шириной в несколько десятков метров, расседина, которая извивалась до самого горизонта, взрезая серую поверхность земной коры. Царила полная тишина. Вот таким может быть мир после своей гибели, подумал я.

А впоследствии, возможно, могло бы случиться Воскресение. Ветер и море, разъедающие горы, постепенно превратили бы их в пыль и песок; мало-помалу сформировался бы плодородный слой почвы. Появились бы растения, а затем, много позже, и животные. Но сейчас здесь были только скалы — и дорога, проложенная человеком.

Мы поехали дальше, и Руди мне объяснил, с какой целью азраилиты явились на этот остров. Сначала Филипп Лебёф собирался построить временную резиденцию для инопланетян в Швейцарии или же на Багамах — то есть в каком-нибудь налоговом раю. Но потом он случайно отправил-

ся отдыхать на Лансароте, и это открыло ему глаза. Первая встреча человека с его создателями состоялась на голой вершине Синая; вторая — в кратере потухшего вулкана Пюи-де-Дом. Третья должна состояться здесь, среди вулканов, на земле древних Атлантов.

Я принялся размышлять над услышанным. В самом деле, если в один прекрасный день инопланетяне действительно прилетят, то лучшего места для репортажа по CNN просто не найти; и все же мне трудно было в это поверить.

Солнце уже садилось, когда мы добрались до Жерии. Это узкая долина, которая вьется среди темно-лиловых, почти черных горных склонов, усеянных камнями и гравием. За несколько веков жители острова выкопали в гравии ямки, насобирали камней и построили из них полукруглые стены для защиты от ветра. В каждой такой ямке они посадили виноградную лозу. Вулканический гравий очень плодороден, солнце светит вовсю; из этого винограда получается ароматное мускатное вино. Упорство, которое потребовалось для такой гигант-

[58]

ской работы, поистине поразительно. Рождение Лансароте было чудовищной геологической катастрофой; но здесь, в этой долине, на площади в несколько квадратных километров, перед нами предстала искусственная природа, воссозданная на пользу человеку. Я предложил Руди сфотографировать виноградник, но его это не заинтересовало. Впрочем, его как будто вообще ничто не интересовало; я подумал, что с ним неладно. Однако он все же согласился зайти со мной в дегустационный погребок.

— Завтра мы могли бы предложить немкам составить нам компанию... — как бы между прочим сказал я, держа в руке бокал муската.

— Каким немкам?

— Пэм и Барбаре.

Он озадаченно наморщил лоб, очевидно, с трудом припоминая, кто это такие.

— Что ж, почему бы и нет, — ответил он наконец, но потом спросил: — А разве они не лесбиянки?

— Ну и что? — горячо возразил я. — Бывают очень милые лесбиянки... Иногда бывают.

Он пожал плечами: ему было глубоко наплевать. Когда мы вернулись в отель, уже стемнело. Руди сразу отправился спать; сказал, что не голоден и не пойдет на ужин. Просил его извинить, ему было неловко, наверно, он просто устал, и все такое. И я один пошел в ресторан, на поиски Пэм и Барбары.

Как я и предполагал, они с восторгом согласились составить нам компанию. Но у них был свой собственный четкий план на завтрашний день. Больше всего им хотелось попасть на пляж нудистов в Папагайо. Девушек из Германии, объяснял я Руди на следующее утро, надо принимать такими, какие они есть; если ты выполняешь их маленькие капризы, чаще всего тебя ждет награда: в целом, они очень славные девушки. Но все же я настоял на том, чтобы сделать крюк и заехать в бухту Эль-Гольфо. Там есть крутой утес, выступающий из моря, там целая радуга необычных красок, короче, там чудесно. Это признали все, а повеселевший Руди нащелкал штук тридцать

фотографий. В Плайя-Бланка мы зашли в бар и заказали на обед набор закусок и белое вино. Разгоряченная вином Пэм стала откровенничать. Да, они — лесбиянки; но не безоговорочно. Ага, сказал я себе. Тогда она пожелала узнать, не педики ли мы. “Ммм... нет”, — сказал я. Руди с трудом доел свою порцию осьминогов. Он подцепил последний кусочек зубочисткой, поднял глаза и рассеянно ответил: “Нет, и я тоже нет... Насколько мне известно”.

Выехав из Плайя-Бланка, мы минут десять катили по приморскому шоссе, а потом надо было свернуть влево, по направлению к Пунта-де-Папагайо. Несколько километров все было нормально, потом шоссе резко пошло под уклон и вдруг превратилось в проселочную дорогу. Я затормозил и предложил Руди сесть за руль. У нас был внедорожник, но я всю жизнь панически боялся внедорожников, езды по неасфальтированным дорогам и всего, что с этим связано. Разные там противобуксовочные системы, блокировки и длинноходные подвески не вызывают у меня ни малейшего восторга. Дайте мне автостраду и нормальный “мерседес” — и я буду счастли-

[62]

вым человеком. Когда я по злой прихоти судьбы оказываюсь за рулем внедорожника, то первая моя мысль — свалить эту мерзость к чертям в кювет и топать дальше пешком.

Дорога вилась серпантинном по крутому холму. Подъем был трудный, мы ползли со скоростью пять километров в час, а вокруг нас клубились тучи ржаво-красной пыли. Я оглянулся. Пэм и Барбара, по-видимому, нисколько не страдали от дорожных неудобств, они сидели, как паиньки, на пластиковых креслах и не ворчали, когда их подбрасывало.

На вершине холма нас ждал сюрприз. Дорогу преграждала будка со шлагбаумом, вроде таможенного поста, с надписью: “Природный заказник”. Интересные дела, подумал я. Чтобы ехать дальше, надо было уплатить тысячу песет: за это вам давали брошюрку, в которой сообщалось, что вы въехали на территорию мирового биосферного заповедника, и перечислялось, чего нельзя было делать на этой территории. Я прочел и глазам своим не поверил: если бы вы захотели подобрать камень, это грозило вам штрафом в 20000 песет и шес-

тью месяцами тюрьмы. О растениях и говорить нечего; впрочем, растений там не было и в помине. При всем при том пейзаж не отличался какими-то яркими особенностями; он даже значительно уступал по красоте тем местностям, где мы побывали вчера. За въезд мы заплатили в складчину. “Неплохо придумано, — шепнул я Руди. — Берешь какую-нибудь никому не нужную дыру, оставляешь подъездную дорогу в первозданном виде и вешаешь надпись: “Природный заказник”. Людям некуда деваться, и они въезжают, а тебе остается только брать деньги”.

Через несколько сотен метров дорога разветвлялась по пяти или шести направлениям. Плайя-Колорада, Плайя-дель-Гато, Плайя-Грасьоса, Плайя-Мухерес... Выбирать не имело смысла. “Поезжай по средней дороге”, — сказал я Руди. Чуть подальше была еще развилка, потом еще одна. И вдруг мы увидели море. Здесь, в самой южной точке острова, море было сказочной синевы. Вдали в знойном мареве виднелись песчаные берега Фуэртевентуры. После двух крутых поворотов дорога вы-

[64] вела нас к безлюдной бухте. Черные скалы окаймляли полоску белого песка, почти отвесно спускавшуюся к морю.

Я сразу пошел купаться, Пэм и Барбара — тоже. Оставаясь на расстоянии нескольких метров от них, я все же чувствовал, что они примут меня в свою игру. Я подумал, что мне стоит подольше пробыть в воде. И в самом деле, когда я вышел на берег обсушиться, они уже лежали в обнимку на полотенцах. Пэм положила руку на лобок Барбары, которая слегка раздвинула ноги. Руди с насупленным видом сидел чуть поодаль; он так и не снял шорты. Я разложил полотенце в двух шагах от полотенца Барбары. Приподнявшись, она обернулась ко мне: “You can come closer...”¹ Я подошел. Пэм села на корточки над лицом Барбары, чтобы та могла лизать ее. Лобок у нее был выбрит, и губы тоже, а между ними открывалась четко обрисованная, не слишком длинная щелка. Я осторожно коснулся грудей Барбары. Ощущать их округлость было так приятно, что я от удовольствия надол-

¹ Можете подойти ближе... (англ.)

го закрыл глаза. Затем снова открыл и провел рукой по ее животу. У нее все было не такое, как у подруги: густые русые волосы на лобке, крупный клитор. Солнце стояло в зените. Пэм была близка к оргазму, она странно повизгивала, это напоминало мышинный писк, как мы его себе представляем. Внезапно кровь прилила к ее груди, и она кончила, тихо заурчав от наслаждения. Затем глубоко вздохнула и села на песок рядом со мной.

— Вам понравилось? — В этом вопросе все же звучала легкая ирония.

— Очень. Правда, мне очень понравилось.

— Я заметила...

У меня все еще стояло. Она обхватила мой член рукой и стала мягко и ритмично массировать его.

— Я уже отвыкла от того, чтобы мне вставляли, но с Барбарой вы можете попробовать.

— С удовольствием, но... — Я почувствовал себя полным идиотом. — У меня нет с собой презервативов.

Она расхохоталась, обменялась несколькими фразами по-немецки с Барбарой.

[66]

— Это не страшно, — весело сказала она и гибко выпрямилась. — Мы что-нибудь придумаем и займемся вами. А сейчас пошли купаться.

Поднявшись на ноги, я заметил, что Руди исчез. Его полотенце осталось лежать на песке. Несколько секунд я колебался, потом решил не думать о нем. *Разве я сторож брату моему?* Так или иначе, он должен быть где-то здесь, неподалеку. “Your friend looks sad...”¹ — сказала мне Барбара, плескаясь в воде. “Yes... His life is not funny”². — Это еще было мягко сказано. Она сочувственно кивнула; а я ломал голову, что бы еще ей сказать. С английским у меня дело всегда обстояло неважно, меня хватало от силы на три фразы, но что поделаешь? Впрочем, Барбара вроде бы тоже не очень свободно изъяснялась по-английски. Я вытерся, разложил полотенце на песке рядом с ней и, набравшись духу, произнес:

— You look a good girl. May I lick your pussy?³

1 У вашего приятеля грустный вид... (англ.)

2 Да... Жизнь у него невеселая... (англ.)

3 Вы такая милая девушка. Можно полизать вам щелку? (англ.)

— Ja, ja!¹ — Возможно, я выразился не совсем точно, но она явно поняла, о чем речь.

[67]

Она поднялась и присела на корточки так, чтобы мое лицо оказалось у ней между бедер — очевидно, она привыкла к этой позе. Сначала я чуть тронул большие губы, потом вставил два пальца, — но она почти не реагировала, по-видимому, у нее все зависело от клитора. Я сильно нажал языком на упругий бугорок; она задышала глубже. Я знал, что делать дальше; это обещало истинное наслаждение. У нее был пряный, мускусный вкус, чуть приглушенный морской солью; ее большие груди тихо покачивались над моим лицом. Я стал быстрее двигать языком, как вдруг почувствовал, что ее тело напряглось. Она приподнялась. Я повернул голову: в нескольких метрах от нас стоял Руди, печальный и пузатый.

— Come! — весело крикнула Барбара. — Come with us!²

Он покачал головой, пробормотав что-то вроде: “Нет, это не то...”, и грузно уселся на песок. Секунду Барбара колебалась, потом снова раздвинула колени так, чтобы

1 Да, да! (нем.)

2 Идите сюда! Присоединяйтесь к нам! (англ.)

[68] ее шелка оказалась над моим лицом. Я положил руки на ее ягодицы и стал лизать ее со всевозрастающим пылом; в какой-то момент я закрыл глаза, чтобы лучше ощутить вкус. Чуть погодя я почувствовал, что маленький ротик Пэм смыкается вокруг кончика моего члена. А солнце по-прежнему припекало; это было божественно. У Пэм была своя, особая манера сосать, она почти не шевелила губами, а водила языком вокруг головки, то очень быстро, то упоительно замедляя это движение.

Наслаждение, которое испытывала Барбара, становилось все сильнее, ее стоны — все громче. В момент оргазма она судорожно выгнулась и издала протяжный вопль. Я открыл глаза: с откинутой назад головой, с развившимися волосами, с торчащими к небу грудями, она была волнующе прекрасна, словно древняя богиня. А Пэм продолжала ласкать меня ртом, и я чувствовал, что тоже вот-вот кончу.

— Пэм, хватит... — взмолился я.

— Ты не хочешь кончить сейчас?

Барбара улеглась на спину, она размеренно, глубоко дышала. “Ну, давай...” — сказал я наконец Пэм. Она знаком велела мне

придвинуться к Барбаре и положила руку на мой член, затем обменялась с подругой несколькими фразами по-немецки. “Барбара говорит, что для мужчины ты лижешь очень хорошо...”, — перевела она, прежде чем обхватить другой рукой мою кошонку. Я глухо застонал. Она поднесла мой член к груди Барбары и начала быстро и энергично массировать его, сомкнув пальцы вокруг основания головки. Барбара взглянула на меня и улыбнулась; в момент, когда она стиснула с боков свои груди, чтобы сделать заметнее их округлость, я разрядился прямо на нее. Я был словно в трансе, перед глазами все плыло; как сквозь туман я увидел, что Пэм размазывает сперму по грудям Барбары. Я разлегся на песке, совсем обессиленный; туман перед глазами становился все плотнее. Пэм стала слизывать сперму с груди подруги. В этом было что-то неизъяснимо трогательное; у меня на глазах выступили слезы. Так, в слезах, я и заснул, обняв Барбару за талию.

Пэм трясла меня за плечо, чтобы разбудить. Я открыл глаза. Над морем садилось

[70] солнце. “Пора возвращаться, — сказала она. — Пора возвращаться, мистер француз”. Я машинально оделся, чувствуя блаженную расслабленность. “Какой чудесный вечер...” — тихо сказал я, направляясь к машине. Она кивнула. “Мы можем купить презервативы, — добавил я. — В Плайя-Бланка есть аптека”.

— Ну, если тебе это доставит удовольствие... — ласково ответила она.

Руди и Барбара ждали нас у машины. Пэм села впереди. В сумерках ржаво-красный цвет равнины приобретал теплый оттенок, близкий к оранжевому. Несколько километров мы проехали в полном молчании, потом Пэм сказала Руди:

— Надеюсь, мы вас не шокировали, там, на пляже?

— Да что вы, мадемуазель. — Он грустно улыбнулся. — Просто я немного... Немного... Вы должны простить меня, — вдруг сказал он.

Когда мы вернулись в отель, Руди, как обычно, хотел сразу пойти спать, но Пэм настояла, чтобы мы поужинали вчетвером; она знала один симпатичный ресторанчик в северной части острова.

Картофель, который выращивают на Лансароте, — мелкий, сморщенный, но очень вкусный. Варят его там по-своему: кладут в глиняный горшок с крышкой и наливают на дно немного очень соленой воды. Испаряясь, вода покрывает картофелины коркой соли, и это не дает им потерять вкус.

Пэм и Барбара жили под Франкфуртом. Барбара работала в парикмахерской. Чем занималась Пэм, я толком не понял: кажется, это было что-то связанное с финансами, и большую часть работы можно было выполнять с помощью Интернета.

— Я не считаю себя лесбиянкой, — сказала Пэм. — Просто я живу с Барбарой, вот и всё.

— Ты ей никогда не изменяешь?

Пэм слегка покраснела.

— Да... Да, сейчас мы не изменяем друг другу. Только если с женщиной, иногда, но это совсем другое, это единичные случаи.

Я взглянул на Барбару, которая с аппетитом уплетала картошку. Сидевший напротив нее Руди почти не ел, только ковырялся в тарелке; в разговоре он тоже не принимал участия. Он приводил меня в

[72]

отчаяние, я уже не знал, что с ним делать. Барбара поглядела на него, улыбнулась и сказала: “You should eat. It’s very good”¹. Руди тут же послушался и подцепил на вилку картофелину.

Они собирались переселиться в Испанию, объяснила Пэм, как только она сможет выполнять работу целиком через Интернет. Нет, не на Лансароте, скорее на Майорку или на Коста-Бланка.

— На Майорке с немцами были проблемы, — заметил я.

— Знаю... — ответила Пэм. — Но это временно. Так или иначе, мы теперь живем в объединенной Европе. И немцы больше не хотят оставаться в Германии, это противная, холодная страна, и потом, по их мнению, там слишком много турок. Как только у них заведется немного денег, они едут на Юг; и никто не сможет их остановить.

— Не исключено, что Турция тоже прикнет к объединенной Европе, — заметил я. — Тогда немцы смогут поехать туда.

Она усмехнулась:

¹ Вы должны поесть. Это очень вкусно (англ.).

— Что ж, может быть, они так и сделают... Немцы вообще странные люди. Хоть они мои соотечественники, но я все равно их люблю. На Майорке у нас с Барбарой много друзей, и немцев, и испанцев. Приезжай к нам, если захочешь.

Затем она рассказала мне, что они с Барбарой хотят иметь детей. Рожать, скорее всего, будет Барбара, ей прямо не терпится бросить работу. Они не собирались прибегать к искусственному оплодотворению; проще попросить об этом кого-нибудь из друзей, она знала нескольких мужчин, которые согласны были оплодотворить Барбару.

— Это меня не удивляет... — произнес я.

— Может быть, ты сам хотел бы? — спросила она вдруг.

Я не знал, что ответить; я был в полном замешательстве. Потому что я действительно хотел этого, пусть раньше мне такое и в голову не пришло бы, но теперь я хотел, и даже очень. Пэм поняла, что слишком поторопилась. Она дружелюбно похлопала меня по руке:

— “Мы еще обсудим это... — сказала она. — Мы обсудим это с Барбарой”.

[74]

Чтобы сгладить ощущение неловкости, мы стали говорить об испанках и пришли к единодушному выводу: с ними очень даже стоит заняться любовью. Помимо того что они вообще любят секс, что у них часто бывают большие груди, они, как правило, славные девчонки, безо всяких там штучек, без самомнения, — не в пример итальянкам, настолько уверенным в собственной красоте, что, несмотря на их великолепные природные данные, в постель с ними не хочется. За этой ни к чему не обязывающей беседой мы скоротали время до десерта — крем-брюле с корицей; потом выпили по рюмочке анисовки. Я то и дело поглядывал на Руди, но мне так и не удалось вовлечь его в разговор; он сидел молча, словно в каком-то отупении. Желая его расшевелить, я брякнул:

— А бельгийки? Что можно сказать о бельгийках?

Он посмотрел на меня с таким ужасом, как будто я раскрыл перед ним бездну.

— Бельгийки — гадкие, извращенные создания, которые наслаждаются собственным унижением, — высокопарно начал он. — Я вам сказал еще при первой встрече: по моему мнению, Бельгия — это стра-

на, которой не должно было существовать на свете. Помню, в одном центре альтернативной культуры я видел плакат, на котором было написано буквально так: “Разбомбите Бельгию!” Я был полностью согласен с этим. Если я женился на марокканке, то именно для того, чтобы не дать себя сцапать какой-нибудь бельгийке. А потом она меня бросила, — добавил он изменившимся голосом. — Она снова обратилась в свой поганый ислам, забрала моих дочек, и больше я их никогда не увижу.

Барбара взглянула на него с таким состраданием, что у него на глаза навернулись слезы. Она не поняла ни единого слова, ничего, кроме интонации; но этого ей хватило, чтобы осознать: перед ней человек, доведенный до крайности.

Что тут можно было еще сказать? Да ничего. Я налил Руди еще рюмку анисовки.

На обратном пути мы почти не разговаривали. В холле отеля Пэм и Барбара расцеловали Руди в обе щеки, пожелав ему спокойной ночи. Я пожал ему руку, неуклюже потрепал по плечу. Право же, у мужчин все это получается гораздо хуже.

[76]

Когда я шел в номер Пэм и Барбары с презервативами в кармане, то чувствовал себя по-дурацки: у меня уже не было настроения. Пэм объяснила ситуацию Барбаре, которая перебила ее и произнесла длинную тираду по-немецки. “Она говорит, что ты не прав, что именно сейчас надо заняться любовью; от этого нам всем станет лучше. И я с ней согласна”, — сказала Пэм, кладя руку на мой член. Она расстегнула мне брюки, и они упали на пол. Барбара разделась догола, опустилась передо мной на колени и взяла в рот мой член. Это было поразительно: сначала она захватила губами кончик, а потом медленно-медленно, сантиметр за сантиметром, втянула его весь целиком; и тут заработал ее язык. Через две минуты я почувствовал, что больше не могу сдерживаться, и крикнул: “Сейчас!” Барбара поняла, опрокинулась навзничь на кровать и расставила колени. Я быстро надел презерватив и вошел в нее. Сидевшая рядом на кровати Пэм ласкала себя, глядя на нас. Я входил в нее глубоко, сначала медленно, потом быстро, а Пэм гладила ей груди. Она испытывала наслаждение, приятную расслабленность, но до оргазма было

еще далеко, и тут вмешалась Пэм. Положив руку ей на лобок, Пэм указательным и средним пальцами стала быстро и ритмично поглаживать клитор. Я замер. Стенки влагалища Барбары сжимались вокруг моего члена в такт ее дыханию. Изобретательная Пэм взяла другой рукой мою мошонку и очень осторожно помассировала ее, продолжая еще быстрее ласкать клитор Барбары. Она проделала это так ловко, что мы кончили одновременно — я с коротким, резким криком, Барбара — с долгим, хриплым урчанием.

Я обнял Пэм и стал быстро целовать ей плечи и шею, а Барбара начала ее лизать. Чуть позже Пэм кончила, почти без шума, с тихим повизгиванием. Обессиленный, я пошел к дополнительной кровати — рассчитанной на ребенка, — а в большой кровати Пэм и Барбара обнимались и сосали друг друга. Я был голый и счастливый. Я знал, что теперь отлично выплюсь.

Мы не выработали плана на следующий день, даже не назначили время встречи. Однако к одиннадцати часам отсутствие Руди начало меня беспокоить. Я постучал к нему — ответа не было. Я спросил о нем у портье. Мне сказали, что Руди уехал рано утром неизвестно куда, забрав все свои вещи. Да, покинул отель насовсем. Я сообщил эту новость Пэм и Барбаре, загоравшим у бассейна, когда ко мне подошел портье с конвертом в руке. Руди оставил письмо для меня. Я решил прочесть его у себя в номере. Это было письмо на нескольких страницах, написанное черными чернилами мелким, аккуратным почерком.

Дорогой месье!

[79]

Прежде всего хочу поблагодарить вас за то, что в эти дни вы обращались со мной как с человеком. Для вас, вероятно, это совершенно естественно; а для меня – отнюдь нет. Вы, очевидно, не представляете, что значит быть полицейским; вам не приходит в голову, что мы – замкнутое сообщество со своими законами, к которому остальные люди относятся с недоверием и презрением. А еще вы не представляете, каково быть бельгийцем. Вам невдомек, с каким насильем – скрытым или явным, – с какой подозрительностью и страхом сталкиваемся мы при наших самых обыденных человеческих контактах. Попробуйте, например, спросить у прохожего в Брюсселе, как пройти на такую-то улицу; результат ошеломит вас. Мы, жители Бельгии, уже не являемся тем, что принято называть “обществом”; у нас больше не осталось ничего общего, кроме чувства унижения и страха. Знаю, эта тенденция характерна для всех европейских наций; однако в силу различных причин (которые, вероятно, сумеет сформулировать какой-нибудь историк), в Бельгии этот процесс деградации зашел особенно далеко. Еще хочу заверить вас, что ваше поведение с этими девушками из Германии нисколько меня не шо-

[80]

кировало. Мы с моей женой в последние два года нашего супружества регулярно посещали клубы для пар с “нонконформистскими” запросами. Она получала от этого удовольствие, я – тоже. И однако, через несколько месяцев, сам не знаю почему, все изменилось к худшему. То, что вначале было веселым праздником, избавлением от запретов, постепенно свелось к тоскливому разврату, холодному, с изрядной долей нарциссизма. Мы не сумели вовремя остановиться. В итоге мы стали попадать в унижительные ситуации, пассивно наблюдая за подвигами сексуальных монстров, в которых сами по возрасту уже не могли участвовать. Наверно, именно это заставило мою жену – существо умное, тонкое, блестяще образованное – обратиться к чудовищному мракобесию ислама. Не знаю, была ли эта катастрофа неотвратимой; но когда я думаю об этом, – а я думаю об этом все последние пять лет, – не вижу, каким образом можно было избежать того, что случилось.

Секс – могучая сила, настолько могучая, что всякая связь между людьми, в которой секс не присутствует, оказывается в чем-то неполноценной. Есть языковой барьер, а есть барьер плоти. Мы оба с вами – мужчины, поэтому контакт между нами мог быть лишь ограни-

ченным, и я прекрасно понимаю, чего вы доби-
вались, устраивая поездку вчетвером, с Пэм и
Барбарой; понимаю и благодарен вам за это.
Но для меня, увы, уже слишком поздно. Ужас
депрессии в том, что она тормозит всякое
стремление к сексуальным актам, – единствен-
ному спасению от беспросветной тоски, кото-
рая терзает человека в этом состоянии. Вы не
представляете, чего мне стоило одно решение
приехать сюда.

Знаю, то, что вы прочтете дальше, причи-
нит вам боль, вам покажется, будто в проис-
шедшем есть и ваша вина. Но это не так, и я
 снова повторю: вы сделали все, что было в ва-
ших силах, чтобы вернуть меня к “нормальной”
жизни. Короче говоря, я решил вступить в ряды
последователей израилитской веры. Раньше я
уже встречался с их представителями в Бель-
гии; но я не знал, что крупный центр этого дви-
жения находится на Лансароте, и приезд сюда
в какой-то мере помог мне сделать решающий
шаг. Я знаю, что вступление в “секту” и свя-
занный с этим отказ от привычной формы ин-
дивидуальной свободы на Западе всегда воспри-
нимается как тяжелый жизненный крах.
Попробую объяснить вам, почему в данном слу-
чае такая оценка несправедлива.

[82]

Чего мы можем ждать от жизни? По-моему, нельзя не задавать себе этот вопрос. Все религии, каждая по-своему, пытаются на него ответить; а люди неверующие формулируют его в тех же словах.

Азраилитская религия дает свой, совершенно новый ответ на этот вопрос: она предлагает каждому, здесь и сейчас, обрести физическое бессмертие. На практике это делается так: у каждого новообращенного берется образец кожи, который затем сохраняется при очень низкой температуре. Движение поддерживает постоянные контакты с научными центрами, занимающими передовые позиции в области клонирования человека. По мнению авторитетнейших специалистов, конкретная реализация этого проекта – вопрос нескольких лет.

Но Азраил идет дальше, он предлагает людям сделать бессмертными также их мысли и воспоминания – путем перевода памяти на промежуточный носитель, перед тем, как внедрить ее в мозг клона. Правда, это предложение – скорее из области научной фантастики, поскольку в данный момент никто не знает, как технически осуществить подобный замысел.

В любом случае странно, по-моему, называть “сектой” организацию, дающую такие новатор-

ские и прагматичные ответы на вопросы, к которым традиционные религии подходят с гораздо более иррационалистичных и символистских позиций. Самое уязвимое место в учении азраилитов – это, конечно, существование анаким, инопланетян, будто бы создавших жизнь на Земле сотни миллионов лет назад. Но, во-первых, такая гипотеза вполне логична, а во-вторых, мы знаем: для того, чтобы объединиться, людям всегда был нужен некий высший принцип.

Термин “секта” нельзя применить к азраилитам и с финансовой точки зрения. Каждый новый сторонник движения вносит в общину двадцать процентов от своих доходов – ни больше, ни меньше. Разумеется, если он решит покинуть свой дом и поселиться с единоверцами, его взнос может стать более значительным. Именно так решил поступить я. Мой дом потерял для меня всякую ценность; с тех пор, как жена и дочери уехали, это уже не дом. Жить в этом квартале стало опасно, и вдобавок я как полицейский подвергаюсь там постоянным оскорблениям. Я собираюсь продать дом и поселиться в одной из азраилитских общин, расположенных в Бельгии.

Все это может показаться чересчур скоропалительным, и я не стану уверять вас, будто речь

[84] *идет о зрелом, обдуманном решении, принятом после долгого рассмотрения всех доводов “за” и “против”. Но я хочу, чтобы вы поняли: на переходном этапе моей жизни мне в любом случае нечего терять.*

В заключение этого длинного письма я хотел бы еще поблагодарить вас за терпение и человечность и пожелать в будущем всего самого лучшего вам и вашей семье.

С любовью

Руди

Я отложил письмо, совершенно подавленный. Значит, они заставят его продать дом, а деньги отнимут. Всю жизнь человек экономил, влезал в долги, чтобы жить в собственном доме, — и вот чем это кончилось. Хотя, с другой стороны, они могли быть и честными. Вот что хуже всего с этими сектами: пока не разразится скандал, нельзя ничего знать наверняка.

Я вкратце пересказал письмо Пэм и Барбаре. Мы единодушно решили никуда сегодня не ездить. Я пошел в агентство и аннулировал заказ на машину, а остаток дня провел у бессейна вместе с девушками. Пэм дочитала роман Мари Деппешен, он ей не особенно понравился. Я посоветовал почи-

[86] тать книгу Эмманюэля Каррера “Противник”; правда, у меня она была, конечно же, по-французски, но я готов был растолковать ей трудные места. Сам я был не в состоянии читать; я разлегся в шезлонге и смотрел на проносившиеся по небу облака. В голове я ощущал пустоту, да так оно было и лучше.

Вечером мы легли втроем, обнявшись, в большую постель, но между нами ничего не произошло. Просто нам хотелось защитить друг друга, словно нам угрожала какая-то зловещая невидимая сила, орудовавшая на этом острове. С другой стороны, Азраил, возможно, был настоящим провидцем, вполне вероятно, что его идеи действительно способны помочь людям. Одно не вызывало сомнений: то, что случилось с Руди, могло случиться с каждым из нас; теперь никто не в безопасности. Никакое положение в обществе, никакая привязанность не могли отныне считаться прочными. Мы жили во времена, когда что угодно могло неожиданно возникнуть среди нас и что угодно могло исчезнуть без следа.

На следующее утро Пэм и Барбара проводили меня в аэропорт. Мы больше не воз-

вращались к разговору о ребенке, которого хотела бы родить Барбара; но, когда мы прощались у арки металлодетектора, мне показалось, что она сжимает меня в объятиях с особенной теплотой. Пэм махнула мне рукой, и я свернул в коридор, через который пассажиры проходили на посадку.

Когда самолет взлетал, я в последний раз взглянул на бесчисленные вулканы: в свете зари они казались темно-красными. Что было в этом зрелище — утешение или угроза? Я не знал ответа; но в любом случае оно означало способность возродиться, начать все сначала. Возрождение через огонь, подумал я; самолет набирал высоту. Затем он проделал вертикальный разворот в сторону океана.

В Париже было холодно, все кругом выглядело обыденно противным. Стоит ли зря тратить силы? Все мы знаем, что такое жизнь и к чему она приводит. Мне надо было снова привыкать к зиме, которой не было конца, и к двадцатому веку, который тоже никак не хотел закончиться. В глубине души я понимал Руди. Он был не прав в одном: можно, очень даже можно жить,

[88]

ничего не ожидая от жизни; чаще всего именно так и живут. Люди сидят дома и радуются, что телефон не звонит; а когда он звонит, не берут трубку, и сообщение записывается на автоответчик. Если нет новостей – это хорошая новость. Так думает большинство людей; да и я тоже.

Но даже когда от жизни нечего ждать, она все еще чревата опасностью. Я заметил, что в квартале, где я живу, становится все больше наркоторговцев. Я решил, уже в который раз, переехать и выбрал жилье поблизости от Национального Собрания; знакомым я говорил, что мне надо перебраться поближе к работе, но на самом деле я хотел жить в районе, где кругом полно полицейских. Мне совершенно не улыбалось, чтобы в меня всадил нож какой-нибудь псих, которому не хватает на дозу.

Прошло несколько месяцев. За это время я не раз получал открытки от Пэм и Барбары и отвечал на них; но встретиться нам так и не довелось. Иногда я вырезал из газет заметки об азраилитской церкви. Но это бывало достаточно редко: секта неохотно рассказывала о себе. Наиболее значительная статья появилась в журнале “Ну-

вель обсерватор” 23 марта; на фотографии были изображены двенадцать мужчин в белых одеяниях с вышитой звездой. В центре стоял Филипп Лебёф, он же Азраил. Члены секты с гордостью демонстрировали маленький, наивно-трогательный макет из полистирола — будущий “городок для приема инопланетян”. Руди в этой группе не было. Над проектом шла успешная работа, сообщалось в статье; местные власти в Лансароте дали согласие на строительство, которое должно начаться в ближайшие месяцы.

Восемнадцатого июня 2000 года в Монреале состоялась публичная дискуссия: целью ее организаторов было поддержать идею клонирования человека. Впервые встретившиеся на одной площадке пророк Азраил и американский ученый-генетик Ричард Сид объявили о создании общей структуры, свободной от какой-либо религиозной зависимости (доктор Сид, по его словам, был и остается христианином и последователем методистской церкви). Выяснилось, что некая группа инвесторов, созданная в рамках “Вэлиент венчур лимитед

[90] корпорейшн”, уже собрала несколько миллионов долларов на строительство будущей лаборатории. Участник дискуссии, писатель Морис Ж.Дантек, с большим энтузиазмом рассказал о ней в одной провинциальной газете; по его словам, это было первое заметное выступление интеллектуалов в защиту клонирования человека. По этому поводу в газете “Либерасьон”, в разделе “Отклики”, разгорелся оживленный спор, который был прерван начавшимися школьными каникулами.

Скандал разразился в декабре, за несколько дней до Рождества. В Бельгии была раскрыта еще одна банда педофилов; и на сей раз в деле фигурировали адепты азраилитской церкви. Педофилы, таинственная секта, предпраздничные дни: все, что нужно для создания грандиозной шумихи в средствах массовой информации. Первой выступила “Франс-суар”, опубликовавшая на первой полосе, без фотографий, длинный список имен, от Айши (11 лет) до Уильяма (9 лет). Огромный, во всю ширину страницы, желтый заголовок гласил: “Их дрессировали для секса”. “Детектив”, желая охарактеризовать все аспекты дела одной фразой, дал следующий: “Оргии с участи-

[92]

ем детей у охотников за инопланетянами”. Следствие проходило в брюссельском Дворце правосудия; радио- и телекомпания, успевшие освоиться в этом городе еще во время процесса Дютру, направили туда самых дошлых корреспондентов.

Вскоре выяснилось, что большинство израильтян, как семейных, так и одиноких, чрезвычайно легко вступали в сексуальные связи и что в брюссельской резиденции секты регулярно происходили оргии, в которых участвовало порой до ста человек. На этих сборищах присутствовали и дети сектантов, иногда как простые зрители, иногда как участники. Следствию не удалось выявить каких-либо случаев насилия или принуждения по отношению к детям; однако факт склонения несовершеннолетних к разврату был налицо. Свидетельские показания были достаточно красноречивы. “Когда папины друзья оставались у нас ночевать, я поднималась к ним, чтобы сделать им минет”, — рассказывала двенадцатилетняя Орели. Николь, сорока семи лет, откровенно признавалась, что в течение долгих лет имела кровосмесительные сношения со своими двумя сыновьями, одно-

му из которых сейчас исполнился двадцать один, а другому — двадцать три года.

Больше всего журналистов поражало поведение обвиняемых. Обычно педофил — это существо, терзаемое стыдом и унижением, раздавленное существо. Он сам ужасается содеянному, приходит в отчаяние от того, что не в силах совладать с преступными импульсами, которые его обуревают. Он либо категорически отказывается признать себя виновным, либо спешит навстречу возмездии, его переполняет чувство вины, он исходит раскаянием, требует, чтобы его лечили, и с благодарностью соглашается на химическую кастрацию. У израильтян не наблюдалось ничего похожего. Они не только не выражали раскаяния, но считали, что насаждают новые, прогрессивные нравы, и утверждали, будто общество много выиграет, если все честно и открыто станут вести себя, как они. “Мы дали наслаждение нашим детям. Мы научили их с юных лет испытывать и дарить наслаждение. Мы до конца выполнили наши родительские обязанности”, — так или примерно так говорили все задержанные.

[94]

Среди них был и Руди. Предъявленные ему обвинения были не из самых тяжких, но расследование началось именно с этого случая. Его обвиняли в развратных действиях в отношении несовершеннолетней, девочки-марокканки одиннадцати лет по имени Айша. “Он раздевал меня, целовал повсюду и заставлял делать ему минет...”, — рассказала она следователям. В полицию обратилась ее мать, ранее состоявшая в секте. Да, сказал я себе, Руди определенно не везет с марокканками. Мусульманское население развязало против него настоящую травлю, спекулируя на том, что он — бывший полицейский (как только разразился скандал, его, разумеется, сразу же выгнали из полиции); пришлось обеспечить ему охрану. “Она говорила, что я ей нравлюсь, иногда она сама предлагала сделать минет...” — заявил он следователям, захлебываясь от рыданий.

Тридцатого декабря Филипп Лебёф, которому не было предъявлено никаких обвинений, приехал в Брюссель и дал долгожданную пресс-конференцию. Журналисты сбегались толпой и не пожалели об этом: сенсация была оглушительная. Азраил пол-

ностью оправдывал действия своих последователей — и это еще мягко сказано. Среди членов секты дозволялись и поощрялись все виды сексуальной активности, без оглядки на возраст, пол и семейные связи. На всё на это было милостивое благоволение анаким. “Он не понимает, что делает, ведь теперь его секту повсюду запретят...” — прошептал корреспондент “Фигаро”. Пророк выглядел здоровым и бодрым: в свете прожекторов его борода казалась лишь слегка тронутой сединой. Видя растерянность присутствующих, он воспользовался этим, чтобы перевести дискуссию на более высокий уровень: он заявил, что Христос и Магомет были самозванцами. А вот Моисея он считал прямым своим предшественником.

— Однако то, чему вы учите ваших последователей, совсем не похоже на Десять заповедей... — заметил главный редактор “Суар”, впервые перебивая Азраила.

Но Азраил воспользовался его репликой, чтобы развить свою точку зрения. Суть в том, объяснил он, что Моисея действительно посетили инопланетяне, анаким; но Моисей понял их неправильно, и в

[96]

результате появилась полная чушь — пресловутые Десять заповедей. Из-за этого человечество потеряло массу времени. К счастью, наконец-то явился он, первый законный преемник Моисея, и теперь он раскроет подлинный смысл завета анаким.

— Да он сам не верит в то, что говорит, это просто рекламный трюк... — пробормотал корреспондент “Пари-матч”.

И в самом деле, после публикации отчетов о пресс-конференции на интернетовский сайт секты потоком хлынули просьбы о дополнительной информации. Лебёф блестяще разыгрывал свою партию — тем более что лично его было не в чем упрекнуть. В отличие от других “гуру”, он вел образцовую семейную жизнь. Несмотря на многочисленные призывы общественности запретить секту, прокуратура оказалась бессильной. Речь шла только об уголовном преследовании отдельных лиц, которым предстояло ответить за совершенные ими преступные деяния: их принадлежность к той или иной религиозной конфессии могла служить источником дополнительных сведений, но никак не доводом для обвинения.

Следствие возобновилось. Проходило оно быстро, поскольку никто из обвиняемых не отрицал содеянного, и вскоре начался процесс. Вместе с другими членами секты — всего их было человек пятнадцать — Руди оказался на скамье подсудимых в брюссельском Дворце правосудия. Всем им грозило многолетнее тюремное заключение, но это их как будто не слишком беспокоило. Руди, например, выглядел умиротворенным, почти счастливым. На всех фотографиях он был в очках, больших очках в квадратной черной оправе; напрасно он их надел. Его брюшко, его усы, да еще эти очки в массивной оправе — всё это складывалось в классический образ извращенца-педофила. Общественность негодовала, чуть не каждый день перед Дворцом правосудия проходили демонстрации с требованием сурово наказать обвиняемых. Как всегда в подобных случаях, некоторые люди высказывались за восстановление смертной казни. Один журналист отыскал отца Айши, который давно расстался со своей женой. Он хотел бы увидеть, как “отрежут яйца” тому, кто похитил честь его дочери, и готов был проделать это собственноручно.

[98]

Филипп Лебёф был вызван в суд лишь в качестве свидетеля. Но даже и это было странно: ведь он не был лично знаком ни с кем из обвиняемых. Он приготовил трехчасовую речь, но судья прервал его минут через десять. Всё же он успел заявить, что церковь азраилитов собиралась заново заложить основы культа любви, который на Западе был утрачен много тысячелетий назад. Он сообщил также, что в азраилитских общинах будут созданы школы взаимной мастурбации для новообращенных и для детей. По его мнению, мастурбацию следовало рассматривать как краеугольный камень нового “катехизиса чувственности”. В конце своего выступления он направился к скамье подсудимых, чтобы пожать им руку, однако ему преградили дорогу жандармы.

После закрытия судебного заседания журналисты часто обращались с вопросами к Руди — наверно, из-за его наружности типичного педофила. Казалось, он к этому привык; его ответы звучали вежливо и доброжелательно. Сознает ли он, какое наказание его ждет? Да, сознает; но он ни о чем не жалеет. Он верит в правосудие родной

страны. И не чувствует ни малейшего раскаяния. “Всю жизнь я делал людям только добро...” — говорил он.

[99]

Процесс сильно затянулся, главным образом потому, что было подано множество жалоб и гражданских исков. Этой зимой я купил себе тур в Индонезию, один из так называемых “Новых маршрутов”. Я вылетел из Парижа в Денпасар 27 января. Приговор был оглашен в мое отсутствие.

Приложение

Первого сентября 1730 года, между девятью и десятью часами вечера, на острове Лансароте, в месте, называемом Тиманфайя, вдруг разверзлась земля. Из трещины поднялась огромная гора, и из вершины этой горы забил огненный фонтан, который не иссякал девятнадцать дней подряд. Неделю спустя раскрылась новая пропасть, и поток бурлящей лавы излился на Тиманфайю, Родео и часть селения Манча-Бланка. Поток продолжал свой путь к северу, и скорость его вначале была такова, что это напоминало пылающий водопад; но вскоре движение его замедлилось, и он стал вязким, как патока. Однако девятого сентября с оглушительным грохотом

вырос холм, преградивший путь лаве. Поток изменил направление и устремился к западу, где, достигнув входа в протяженную долину, за несколько минут уничтожил селения Маретас и Санта-Каталина. Одиннадцатого сентября извержение значительно усилилось, лавовый поток опять ускорил движение и обрушился на Масо, сжигая всё на своем пути. Шесть дней с ужасающим грохотом лава рекой стекала с высоты в море, и вода вдоль берегов закипела; вскоре на поверхность всплыло и закачалось на волнах огромное количество дохлой рыбы. Восемнадцатого октября над Санта-Каталиной открылись еще три расселины, изрыгавшие густой дым, кипящий ливень, раскаленные докрасна куски шлака и базальта. Эти явления сопровождались оглушительными взрывами, тучи пепла и камней, сыпавшихся на остров, закрыли солнце, и наступила тьма: всё это неоднократно заставляло жителей Санта-Каталины покидать свои дома; однако всякий раз они возвращались, ибо селение чудесным образом оставалось нетронутым. Так вел себя вулкан до двадцать восьмого октября; но тут вдруг пал скот, пораженный зловонны-

[102]

ми испарениями, которые скапливались в вышине, а затем нисходили на землю смертоносным дождем. С первого по десятое ноября дым и пепел постоянно отравляли воздух, сделав жизнь людей и животных почти невыносимой; и вот, поверх толстого слоя не успевшей остыть лавы, на опустошенную местность излилась еще одна огненная река. А двадцать седьмого ноября это повторилось. Лавовый поток устремился к морю с таким неистовством, что, ворвавшись в волны, образовал целый островок неподалеку от берега. Шестнадцатого декабря лава, прежде всякий раз стекавшая к морю, внезапно изменила направление своего движения; она проникла в селение Чупадеро, превратив его в огромный костер, затем опустошила Вега-де-Уга. Седьмого января произошло несколько новых извержений. Из каждой трещины, образовавшейся на склоне горы, хлынула огненная река, окутанная густыми клубами дыма. Этот дым часто прорезали ослепительные вспышки, сопровождавшиеся синеватым и красноватым свечением: и каждый раз слышались громовые раскаты, как бывает в грозу; местные жители оцепене-

ли от ужаса, ибо им было неизвестно, что такое гром и молния. Двадцать первого января из образовавшегося ранее кратера выросла новая гора, выше всех предыдущих, и в тот же день исчезла, причем раздался ужасающий взрыв, — эхо от него прокатилось по всему острову, и всё кругом покрылось слоем пепла и камней. Третьего февраля новый лавовый поток поглотил Альдеа-де-Родео. Двадцатого марта выросли новые вулканические конусы, а в них открылись кратеры, тут же начавшие извергаться. Тринадцатого апреля поднялись две новые горы, словно вытолкнутые из земли невидимой силой. Четвертого июня образовались три громадные трещины, и остров содрогнулся от сильнейших подземных толчков; из каждой расселины вырвались гигантские столбы пламени. На сей раз люди совсем потеряли голову от страха, особенно в Тиманфайе, где началось это несчастье. Восемнадцатого июня образовался новый вулкан, самый высокий из всех, что поднялись над развалинами Масо, Санта-Каталины и Тиманфайи; открывшийся в его склоне кратер стал изрыгать пламя и пепел, в то время как из дру-

[104] гой горы, возле Масо, вырвалось густое облако пара, подобного которому никто еще не видел. Весь западный берег острова был усыпан дохлой рыбой, причем там попадались рыбы самых редких и необычайных пород, неизвестных островитянам. В течение октября и ноября извержения происходили повсюду, а в Рождество, в скорбный день, двадцать пятого декабря 1731 года, остров содрогнулся от самого сильного землетрясения из всех, какие были отмечены с начала этого долгого бедствия.

*Хроника дона Андреса Лоренсо Курбадо,
приходского священника Яйсы*

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

Лансароте

Директор издательства В.Горностаева

Художник А.Бондаренко

Ответственный за выпуск Е.Пучкова

Компьютерная верстка Л.Синицына

Корректор Г.Володина

Изд. лиц. ИД № 02194 от 30.06.2000 "Иностранка".
Подписано в печать 27.09.2004. Формат 70×100¹/₃₂.
Бумага газетная пухлая. Гарнитура "New Basketville".

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,52.

Уч.-изд. л. 2,57. Тираж 5000 экз. Заказ № 589.

Издательство "Иностранка"
119017, Москва, ул. Пятницкая, 41.
www.inostranka.ru
e-mail: mail@inostranka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП "Уральский рабочий"
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru

Серия

“ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ” —

это “ИЛЛЮМИНАТОР” нового века.

Издательство “ИНОСТРАНКА”

представляет книги

молодых зарубежных писателей,

уже завоевавших мировое признание

и претендующих на то,

чтобы завтра стать классиками.

В серии “ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ”

вышли:

- 028 Джон Ридли
 “Бродячие псы”
 перев. Е. Пучковой
- 031 Тим Лотт
 “Штормовое предупреждение”
 перев. М. Макаровой
- 032 Бен Элтон
 “Попкорн”
 перев. А. Рябоволовой
- 033 Николас Блинкоу
 “Кислотники”
 перев. Н. Осмаковой

Серия

“ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ” –

это “ИЛЛЮМИНАТОР” нового века.
Издательство “ИНОСТРАНКА”
представляет книги
молодых зарубежных писателей,
уже завоевавших мировое признание
и претендующих на то,
чтобы завтра стать классиками.

В серии “ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ”

выходят:

- 036 Фредерик Бегбедер
 “Windows on the World”
 перев. И. Стаф
- 034 Януш Гловацкий
 “Последний сторож”
 перев. И. Подчищевой
- 035 Джеймс Лавгроув
 “Дни”
 перев. Т. Азаркович
- 037 Уилл Селф
 “Великие приматы”
 перев. И. Свердлова

Серия

“В ИЛЛЮМИНАТОРЕ...” –

это лучшие произведения зарубежных
авторов последних десятилетий.

Подсерии, выстроенные по
географическому принципу,
представляют современный литературный
ландшафт отдельно взятой страны
во всем многообразии его жанров.

В серии “В ИЛЛЮМИНАТОРЕ...”

вышли:

Мануэль Ривас

“Карандаш плотника”

перев. Н. Богомоловой

Венсан Равалек

“Ностальгия по черной магии”

перев. И. Стаф

Дон Делилло

“Мао II”

перев. С. Слаковой

Серия

“В ИЛЛЮМИНАТОРЕ...” –

это лучшие произведения зарубежных
авторов последних десятилетий.

Подсерии, выстроенные по
географическому принципу,
представляют современный литературный
ландшафт отдельно взятой страны
во всем многообразии его жанров.

В серии “В ИЛЛЮМИНАТОРЕ...”

выходят:

Масахико Симада
“Повелитель снов”
перев. Е. Тарасовой

Амели Нотомб
“Словарь имен собственных”
перев. И. Волевич

Венсан Равалек
“Гимн шпане”
перев. А. Финогеновой

Серия

“ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ”

составленная БАКУНИНЫМ, —

это самые яркие произведения
самых знаменитых зарубежных беллетристов,
выпускаемые издательством “ИНОСТРАНКА”
под девизом
СЕРЬЕЗНЫЙ ПОДХОД
К НЕСЕРЬЕЗНОМУ ЖАНРУ.

В серии “ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ”

вышли:

Фрэнк Лин
“Точка кипения”

Вэл Макдермид
“Большой откат”

Сара Дюнан
“На грани”

Доминик Сильвен
“Кобра”

Серия

“ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ”

составленная Б.АКУНИНЫМ, —

это самые яркие произведения
самых знаменитых зарубежных беллетристов,
выпускаемые издательством “ИНОСТРАНКА”
под девизом
СЕРЬЕЗНЫЙ ПОДХОД
К НЕСЕРЬЕЗНОМУ ЖАНРУ.

В серии “ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ”

выходят:

Жан-Кристоф Гранже

“Империя Волков ”

Хеннинг Манкель

“Перед заморозками”

Колин Харрисон

“Кубинский зал”

Наташа Купер

“Ползучий плющ”

По вопросам оптового приобретения книг
издательства "ИНОСТРАНКА" обращаться:

ООО ИЗДАТЕЛЬСТВО "ИНОСТРАНКА"

тел.: (095) 953-3580

факс: (095) 959-5543

sale@inostranka.ru

www.inostranka.ru

ООО "ИЗДАТЕЛЬСТВО "У-ФАКТОРИЯ"

тел.: (343) 257-4292; 257-8589

факс: (343) 257-8535

kniga@ufactory.ru

www.ufactory.ru

ООО "ФИРМА "СТОЛИЦА СЕРВИС"

тел: (095) 375-3673; 375-2433; 375-3211

stolitsa@front.ru

www.stolitsa-books.narod.ru

Michel HOUELLEBECQ

Lanzarote

Мишель Уэльбек (род. 1958) – поэт, эссеист, прозаик, самый полемичный и самый продаваемый во Франции и в Европе автор.

На родине его называют культовым писателем и “Карлом Марксом секса”.

Каждая его книга – бестселлер.

Мишель Уэльбек провоцирует во Франции скандал за скандалом.

Лансароте... Остров
Туда не стоит ехать ни лк
отдыха, ни поклонникам
Там лунный пейзаж, назыв
“марсианским”, и соблаз
любопытные образчики человеческой породы.

 OZON
интернет магазин

11307707

www.ozon.ru

9 785941 452545

THE BEST OF ИНОСТРАНКА